

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

«Кокон»

«Кокон» как генетический код предопределяет многое в индивидуальном и коллективном поведении. Этот пласт этнической жизни не фиксируется социологией, его можно обнаружить в мифах, легендах, традициях, пословицах и поговорках. Человек не может существовать без этих корней, которые связывают прошлое с современностью и предопределяют будущее. В качестве архетипов они становятся побудительным мотивом. Не должна смущать архаичность первобытных представлений, которые мы пытаемся проследить до наших дней. Как бабочка не похожа на кокон, из которого появляется, так и современные идеи отличаются от предшествующих, тем не менее продолжая их в каких-то существенных моментах.

«Кокон» нельзя описать однозначно, тем более он может существовать как архетип в подсознании, может выражаться в виде символов. Например, у многих народов в мифологии существует образ «мирового яйца» или же «мирового дерева». Через эти образы объясняется появление мироздания и людей, функция богов. «Мировое яйцо» символ плодородия, поскольку из него и рождается мир. В Египте обменивались раскрашенными яйцами как символом возрождения. Их подвешивали в египетских храмах²⁴.

У русских яйца имеют тот же смысл и до сих пор их продолжают красить к Пасхе. У татар обряды, связанные со сбором яиц, были приурочены к сабантую, но порой их называли праздником «красного яйца», иногда «царским праздником». Они опять-таки были связаны с плодородием. Марийцы проводят этот праздник до сева или в Петров день, удмурты — за неделю до Пасхи. Чуваши, собирая яйца, приговаривают:

*Если нам не дадут яйца,
То (куры) будут слепыми.
Если нам дадут яйца,
То (их) куры в день
три раза будут нестись.
Если нам пива не дадут,
То вытечет все пиво из бочки.
Если нам пиво подадут,
То оно будет в избытке²⁵.*

«Кокон» может приобрести форму котла как родового символа. Он характерен для гуннов, затем прослеживается в Тюркском каганате, Золотой Орде и Казанском ханстве. Это своеобразный маркер, который обозначает границы этничности.

У многих народов котел («чаша изобилия», «чаша Грааля») был связан с этническим, родовым происхождением, в нем был выражен сакральный смысл.

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. — 2011, № 4.

У славян совместно выпитая чаша была символом верности, преданности друг другу. У кельтов котел был символ изоляции, неистощимым источником поддержания жизни, возрождения воинов для новой битвы, выполнял функцию ритуального сосуда, подтверждающего властные полномочия.

У татар котел (казан) только по прошествии многих столетий превратился в простую посуду для приготовления пищи, но даже в этой своей функции он находился в центре домашнего очага. А изначально, видимо, в нем готовили мясо жертвенного животного, значит, он носил сакральный характер.

«Кокон» — это набор архетипов, подсознательно влияющих на стереотипы поведения, но на определенной стадии он приобретает рациональное выражение в виде мифов, легенд, сказаний, а затем оформляется в написанной истории, философских трактатах, религиозной догматике, идеологических доктринах, художественных произведениях.

В «коконе» содержится та же дихотомия, как и во всех «оболочках», вернее будет сказать, что изначально содержащаяся дихотомия «коккона» в виде «божественного», сакрального, с одной стороны, и «демонического», бессознательного — с другой, проявляется каждый раз по-новому на каждом последующем уровне жизни, на каждой «оболочке» идентичности. Более отчетливо понимание единства двух противоположных начал хорошо выражено в современной литературе и искусстве в виде неизменной борьбы «добра» со «злом». Просто раньше это называлось сказкой о Кошче Бессмертном, а сегодня блокбастером. Но даже самый современный образ жизни, совершенная организация неотвратно содержит иррациональное. Насколько это живет с нами и среди нас, показывают различные поговорки и пословицы. Мы говорим: «Чужая душа потемки», имея в виду, что она содержит бессознательное, которое может быть как божественным, так и демоническим.

К обычаям, традициям можно относиться как к предрассудкам, мешающим достижению цели, но деятельность с «чистого листа», без учета исторических корней, «зова крови», этнических символов приводит к заполнению вакуума политическими и социальными конструкциями, поиском любых искусственных заменителей под видом перемен и нередко заканчивается кризисом общества. Самомнение новаторов пребывает в иллюзии, что «демоны» исчезли, и не учитывает того факта, что прежние «боги» никуда не делись, несмотря на то, что в лесу не стало леших, а в пруду водяных и русалок. Теперь их называют «факторами» исторического развития, при этом сами люди утешаются тем, что стали якобы хозяевами своей жизни. На самом деле, как пишет Фридрих Хайек, «человек никогда не был и не будет хозяином своей судьбы: самый разум его постоянно совершенствуется за счет того, что ведет его к неизвестному и непредвиденному, где приходится учиться новому»²⁶. Человек не может спланировать и реализовать историческое развитие, он может приспособливаться к течению судьбы.

Современные историки обращают особое внимание на ментальность, под которой понимают общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков, что создает картину мира и обеспечивает единство культурной традиции. Это система образов и представлений, которой социальные группы руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и о их собственном месте в этом мире. «Мы убеждены, — пишет Жорж Дюби, — что все социальные отношения складываются как функция этой “системы образов”, которая передается от поколения к поколению в процессе воспитания и обучения и “вследствие определенных экономических условий”». Иначе говоря, ментальность выступает в качестве ключевого элемента общественных отношений. Для Жоржа Дюби, «феода-

лизм – это средневековый тип ментальностей».

Люсьен Февр в матрице ментальности выделяет культуру, традиции, язык, образ жизни и религиозность. Как мы показали выше, ни культура, ни язык, ни религия не могут выступать признаками этнической группы, они не создают общности, а лишь обозначают границы между этносами. Из ментальности в арсенале остаются традиции и образ жизни, которые понимаются очень широко, а порой и не конкретно. Для нашей же цели, т.е. выявления тех ценностей, которые содействуют формированию этнической общности, нужно более определенно выделить исходные критерии. И здесь хотелось бы вновь вернуться к словам жителей удмуртской деревни Гарибашево из Башкортостана, о чем пишет Е.С.Данилко, как «о трансформационном развитии традиционной культуры», ведущем к «замене этнической идентичности ее носителей с удмуртской на татарскую»²⁷. При этом автор добавляет, что существенную роль «сыграл конфессиональный фактор», т.е. переход удмуртов в ислам. Несмотря на явные ассимиляционные процессы, размывание архаического пласта, жители хорошо помнят свое удмуртское происхождение «по крови». Об этом же говорят жители соседних деревень. «Вообще окружающее население, – продолжает Е.С.Данилко, – не воспринимает их как настоящих татар, относя к удмуртам и называя по прозвищу *арлар*, а женщин еще *акей* (от названия женского головного убора)»²⁸. Пытаясь объяснить происхождение «по крови», жители деревни поясняют: «У нас до сих пор много рыжих рождается. Мы знаем, если рыжий, значит удмуртская кровь, татарин, по нашему, черный должен быть»; «Кто светлее, мы говорим “арлар”, значит удмурт. Я сама говорю, что я удмуртка». В качестве доказательства «удмуртского» происхождения приводят также исторические и генеалогические предания, все жители помнят, что деревню основали именно удмурты. Иначе

говоря, для жителей деревни сохраняют значение удмуртское происхождение «по крови», что осознается как рыжий цвет волос и в виде довольно эфемерных преданий.

Отметим другой любопытный факт из деревни Смаиль того же Башкортостана. Там всегда были мечеть и свой мулла из местной династии священнослужителей. «Однако несколько лет назад в Смаиль прибыл новый мулла, тоже местный житель, получивший высшее духовное образование в Казани... Это вызвало скрытое недовольство в среде верующих, для которых молодой мулла – чужак, насаждающий новые правила, привезенные со стороны и расходящиеся с издавна существовавшей в селе религиозной традицией»²⁹. Автор статьи объясняет это наличием расхождения между народным и формальным исламом. На самом деле это различие не имеет большого значения, поскольку понятие «народного ислама» весьма условное, а канонического ислама не существует. В данном случае проявилось глубинное чувство этнической принадлежности, которое разрушается новыми порядками молодого муллы, идущими вразрез не с исламом, а с традициями деревни. И здесь мы обнаруживаем ту же причину, которая склоняет удмуртов выяснять свои корни, а марийцев – притерпываться «древней вере».

Приведенные примеры полевых исследований показывают, что для этнической общности существенным моментом оказывается происхождение, которое может формулироваться по-разному, но в основе имеет признак общности «по крови». Если попытаться это рационально объяснить, то окажется, что под «удмуртской кровью», «марийской верой» и т.д. имеются в виду представления об этническом происхождении. Несущественно, насколько люди правильно формулируют само происхождение, они могут рассказывать всего лишь предание собственной деревни, или своей локальной общности, даже просто рода. Они ищут общ-

ность в происхождении и в данном случае содержательная сторона оказывается фактором второстепенным, но существен тот архетип, который лежит в основе явления. Это архетип системообразующий. Именно он объединяет такие важные элементы, как язык и культура, предопределяя этническое самосознание. Матрица ментальности становится интегрированной благодаря бессознательным образам или представлениям об этническом происхождении, иначе говоря, «кокон» превращает ментальность в этническую идентичность.

Особыми случаями являются попытки изменить свою этническую принадлежность. Наиболее явно это выразилось у крещеных татар, чьи активности стремились объявить себя самостоятельным народом, притом, что они носители татарского литературного языка и традиционной культуры. Любопытно, что и в этом случае аргументом выступала история. Некоторые из идеологов считали кряшен не перешедшими из ислама в православие, а группой, изначально принявшей христианство еще в Булгарском государстве. Не обсуждая истинность этого тезиса, следует заметить, что в любом случае у татар-мусульман и кряшен корни одни. К тому же после покорения Казанского ханства крещение татар проводилось как государственная политика. В результате часть татар обрусела, а другая часть осталась в лоне татарской культуры, но уже в качестве православных. Сам факт перехода в православие был психологически тяжелым испытанием, оставившим в самосознании кряшен заметный след. В байте «О возврате в ислам» говорится:

*Молимся Аллаху в мусульманство
нас вернуть,
Нам предписано Всевышним
в другой вере терпеть*³⁰.

Нынешняя попытка кряшен позиционировать себя как самостоятельный народ является всего лишь свое-

образной инверсией, т.е. утверждением через отрицание. Это та же татарская идентичность, но в православной маске. Клод Леви-Стросс пишет: «Как и миф, маска отрицает настолько же, насколько она утверждает; она построена не только из того, что она говорит, или считается, что говорит, но и из того, что она исключает»³¹. В жизни крещеные татары часто оказываются наиболее приверженными татарской культуре. Залогом единства народа (мусульман и кряшен) остается то, что в древней основе лежат общие архетипы поведения. Например, сбор крашенных яиц и ритуалы, связанные с яйцами, существуют у всех татар, независимо от религии и происходит это накануне Пасхи (у касимовских и казанских татар), во время Пасхи (у кряшен и татар-мишарей)³². Праздник Нардуган, Сабантуй, ритуалы жертвоприношения едины для всех татар, а значит и архетипы едины.

Очень характерно поведение некоторых представителей сибирских татар, которые приезжают в Казань, чтобы доказать, что они самостоятельный народ. Возникает вопрос: зачем приезжать в Казань и доказывать свою самость, если ты считаешь себя самостоятельным народом?! На самом деле это является своего рода самоутверждением через подчеркивание своей особенности. Сибирские татары – коренной народ Сибири, определявший его облик в течение многих сотен лет, в то же время в древности он имел общие корни со всем татарским народом, позднее находился под сильным влиянием казанской группы татар. Особенности исторического происхождения провоцируют у сибирских татар стремление к обособлению. К тому же у них принятие ислама было связано не с Булгарами, а было привнесено позднее, начиная с Золотой Орды. Но, в конце концов, общность происхождения оказывается сильнее иных мотивов.

Кстати, эта тенденция подчеркивания своих этнографических особенностей, очень естественная и положитель-

ная с точки зрения развития творческого потенциала народа, сослужила плохую службу для гуманитарных наук в Татарстане. Ученые, забыв об интегративных функциях этнологии и языковедения, занялись не просто исследованием особенностей этнических групп татар, но и возвели их в ранг научных направлений. Появилась диалектология как направление, этнографы начали как самостоятельный объект изучать не только сибирских, астраханских, касимовских татар, мишар, кряшен, но и ввели понятия пермских, московских, башкирских и других татар, привязываясь к местности или городу. С точки зрения научной карьеры, видимо, этим проще заниматься, но это не имеет никакого отношения к науке, которая по определению может быть только интегративной, а анализ особенностей отдельных элементов явления всего лишь ступень к синтезу.

У всех народов вопрос происхождения играет ключевую роль, что проявляется в форме мифов, исторических преданий, рассказов и романов, научных трудов, учебных курсов, политических заявлений. В русских пословицах осуждают «Ивана, не помнящего родства». Чингиз Айтматов создал яркий образ манкурта, и само слово вошло в лексику многих языков как нарицательное понятие. В моменты идеологических кризисов этническое происхождение, в целом исторические сюжеты играют особую роль, а порой и замещают идеологию. Именно так происходит сегодня в России, где вместо коммунистических идеалов не появились другие ценности, а потому все народы начали самостоятельно изучать свою историю, при этом не обошлось не только без возрождения былых легенд, но и современного мифотворчества.

Почему же седая старина врывается в нашу сегодняшнюю динамичную жизнь, столь отличную от примитивного прошлого? Здесь мы вступаем в область коллективного бессознательно, содержанием которого являются архетипы как изначальные всеобщие об-

разы этноса³³. Для всех народов существенно определить свое отношение к природным явлениям, в частности, воде (море, река, озеро, пруд), солнцу, луне, лесу, в которых содержится как «божественное», так и «демоническое». К ним изначально люди относились как к живым существам, большим и малым богам, населяя природу духами. И сегодня в языке сохранилось стремление одушевлять природу. Порой мы сами не понимаем импульсы своего поведения, относя это к душевным порывам. Когда мы говорим «душа просит!», то «душу» понимаем не в философском смысле, а как естественный комплекс мотивов, как интегратор противоречивых стимулов поведения. Какие бы современные понятия мы ни вводили в оборот, их матрицы, придающие смысл жизни, уже существовали в прошлом и исторически были оправданы. У любой естественной идеи был прообраз, а бытование его сегодня не означает, что это архаический мусор, оставшийся нам в наследство по недосмотру сознания. Рационализм торжествует только в самых верхних слоях жизнедеятельности народов, в интеллектуальной среде, а реальное поведение строится в основном на стереотипах, весьма бережно называемых традициями.

Жизнь постоянно противостоит страхам и через их преодоление движется по лестнице цивилизации. Эволюция человека шла через преодоление кризисных ситуаций, т.е. столкновение человека с непредвиденными обстоятельствами, решение которых у него не было в арсенале. Это вело к выработке новой модели поведения и трансформации общественных норм на более высокий уровень. Отсюда осознанно изложенные мифы или концепции. Естественно, при этом степень осознанности, а вместе с тем духовности поднимается на новую ступень. Именно состояние шока от встречи с новыми обстоятельствами вынуждало наших предков пересматривать нормы поведения. Современный человек недалеко ушел в этом отношении. Большин-

ство людей от встречи с чем-то новым нервничают, не находя образцы поведения, и только узкий круг личностей ищет пути выхода из кризиса.

В архаическом обществе различного вида запреты, табу сдерживали инстинкты и демонические наклонности в человеческой натуре. По мере усложнения социальных структур они становились тормозом для развития общества. Эволюция стала возможной благодаря ослаблению запретов, что обеспечивало индивидуальную свободу, а вслед за этим социальное творчество. «Свобода, — пишет в своем знаменитом труде “О свободе” Джон Стюарт Милль, — есть единственный верный и неизменный источник всякого улучшения: там, где существует свобода, там может быть столько же независимых центров улучшения, сколько индивидуумов»³⁴. При этом принципы свободы вовсе не стремились что-либо указывать людям, они всего лишь ограждали индивидуальность от давления общества. Именно этот момент стал поворотным в развитии общества. «Прогрессивный принцип, под каким бы видом он ни проявлялся, под видом ли любви к свободе, или любви к улучшению, во всяком случае есть враг господства обычая и необходимо предполагает стремление освободить людей от его ига. В борьбе между этим принципом и обычаем и заключается главный интерес истории человечества»³⁵. Тем самым определилось осевое направление времени, которое Эммануил Кант сформулировал в следующем виде: «История мира есть не что иное, как прогресс осознания Свободы».

Свободная мысль, открытое общество, разделение труда и обменная экономика определили гигантские изменения в эволюции человека. В то же время эта свобода не была произволом, но и не результатом работы интеллектуалов, она стала возможной, пишет Фридрих Хайек, благодаря господству моральных принципов, которые «были с неизбежностью усвоены там, где население состояло из независимых фер-

меров, ремесленников и торговцев, их слуг и подмастерьев, приобщенных к ежедневному опыту наставников. В их этике высоко ценился человек бережливый, трудолюбивый, думающий о будущем своей семьи и своего дела и сколачивающий капитал не для будущего потребления, а для того, чтобы заслужить уважение сограждан, преследующих те же цели»³⁶. Свобода рождалась в переломные моменты жизнедеятельности общества, нередко в период анархии, став трансформацией общества на новую ступень, выдвинув новые ценности и более высокую мораль, о которой философ Давид Юм сказал следующее: «Нет ничего, что было бы для нас важнее нашей репутации, и ни от чего наша репутация не зависит в большей мере, чем от нашего отношения к чужой собственности».

Свобода в обществе утверждается не благодаря революциям, чьи последствия заведомо непредсказуемы, а благодаря традиции. Не бунт рождает свободу, он может стать толчком к разрушению прежних устаревших норм, но может вылиться в произвол. Свобода должна стать частью политической культуры, тогда она окажет позитивное влияние на всю общественную систему и даст преимущество. А сама политическая культура складывается как результат закрепления норм в общественном поведении.

В этой борьбе традиций и свободы нужно видеть диалектику. На самом деле историческая борьба идет не с традициями как системой, а определенными нормами и охранителями прежних взглядов в лице священнослужителей и реакционных идеологов, которые в обществе представляют наиболее консервативную часть интеллектуалов. Вне традиций общество разрушается, ибо в таком случае у него остается только один путь — деградация и возврат к инфантильности. Трудно сказать, какова доля сознательного и бессознательного в этих процессах, но ясно, что и то, и другое обязательно присутствуют. Там же, где пытались все выстро-

ить только на основе рациональных решений как конструирование нового общества, видимость прогресса обернулась жесточайшим регрессом и одержимостью первобытных инстинктов. Это наблюдалось в фашистской Германии, бывшем СССР, но самым страшным даже символическим проявлением этого конструктивистского фанатизма стал режим Пол Пота в Кампучии, истребившего значительную, причем наиболее культурную, часть своего народа.

Традициям трудно противостоять и даже радикальные реформаторы вынуждены учитывать рамки традиций, чтобы не оказаться вне общества. Их влияние определяется силой бессознательного. Клод Леви-Стросс пишет: «Можно сказать, что подсознание – это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику истории своей индивидуальности, и что бессознательное, организуя этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям (причем лишь в той мере, в какой он организован по законам бессознательного)»³⁷. Глубинные пласты этнической психики обнаруживаются в критических ситуациях или формулируются в косвенной форме, или же проявляются в отношении к музыке, праздникам, другим элементам культуры, которые выступают в качестве символов. Нередко сознательное оказывается всего лишь рациональной формулировкой бессознательных импульсов или архетипов.

Фридрих Хайек, представитель очень практичной экономической на-

уки, различает в эволюции человеческого общества три слоя напластования правил поведения: «Внизу, конечно, лежат прочные, мало изменившиеся инстинкты, генетически наследуемые и определяемые физиологической структурой человека. Затем располагаются остатки последовательных типов социальных структур, через которые человек прошел: правила, вовсе не выбранные человеком сознательно, но распространившиеся и закрепившиеся благодаря деятельности, благоприятствовавшей в прошлом определенным группам, экспансии которых, возможно, в большей мере служило привлечение неофитов, чем более активное размножение. На самом верху находится тонкий слой правил, сознательно отобранных или модифицированных ради известных целей»³⁸. Как видим, виднейший экономист XX в. весьма скептически относится к современным рационалистам и совсем не воспринимает конструктивистов, относя их к суеверию, при этом весьма позитивно оценивает средний слой традиционно сложившихся структур, особо в них отмечая исторически сложившиеся моральные нормы как условие прогресса общества, добавляя ко всему весьма примечательную фразу: «Человека делает добрым не природа и не разум, а традиция».

Символы трансформации в жизни этноса играют не меньшую роль, нежели архетипы, и они имеют столь же древние корни, как и сами традиции.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁴ См. Энциклопедия символов. – М., 2005. – С. 259.

²⁵ Тартарика. Этнография. – Казань – Москва, 2008. – С. 754.

²⁶ Ф. Хайек. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 259.

²⁷ Е.С. Данилко. Татары в этнически... – С. 57.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – С. 63.

³⁰ Татарский эпос... – С. 346.

³¹ Клод Леви-Стросс. Путь масок. – М., 2000. – С. 94.

³² См.: Тартарика. Этнография. – Казань – Москва, 2008. – С. 754.

³³ Архетипы, несмотря на схожесть у разных народов, появляются совершенно независимо, поскольку на бессознательном уровне многие представления строятся по аналогии с семейными отношениями: небо — отец, земля — мать и т.д. Для детей в первые годы жизни мать играет особую роль, поскольку она кормилица, защитница, воспитатель, она всеильна, и вдохновляет детей всю последующую жизнь. Все это переносится на природу, социальные отношения, мировосприятие.

³⁴ Джон Стюарт Милль. О свободе. — СПб., 1900. — С.138–139.

³⁵ Джон Стюарт Милль. О свободе... — С.139.

³⁶ Фридрих Хайек. Общество свободных... — С. 242.

³⁷ Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... — С. 212.

³⁸ Фридрих Хайек. Общество свободных... — С. 235.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.